

АНДРЕЙ
ПОСНЯКОВ

Вещий князь

Сын ярла
Первый поход
Из варяг в хазары
Черный престол

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П61

Серия «Фэнтези-коллекция»

Оформление *Владимира Гусакова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

П61 Посняков, Андрей Анатольевич

Вещий князь: Сын ярла. Первый поход. Из варяг в хазары. Черный престол: сборник / Андрей Посняков. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 896 с. — (Фэнтези-коллекция).

ISBN 978-5-17-098917-1

Середина девятого века. Далеко на севере Норвегии растет и мужает Хельги, сын местного ярла Сигурда. Пока еще он мало чем отличается от своих сверстников, но кое-кто уже знает — сыну ярла суждено когда-то стать князем в Гардарике — так называли тогда викинги русские земли. Черные друиды Ирландии, захотевшие вернуть свою былую власть, решили подменить душу юного воина, однако у них на пути встал кузнец Велунд и — даже не ведая о том — наш современник, музыкант «тяжелой» рок-группы.

В труднейшей борьбе Хельги завоевал право возглавить дружину молодых воинов и повести их в первый заморский поход — за богатством и славой. Стоя на корме драккара, ярл, счастливый и юный, еще не знает, что очень скоро встретится с подлостью, предательством и коварством, а также с кознями могущественного друида-оборотня, вселившегося в тело киевского князя Дира и не оставившего их покою и тогда, когда в поисках славы и богатства Хельги-ярл и его верная дружина отправились в далекую Гардарику — Русь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-098917-1

© Андрей Посняков, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Сын ярла

Глава 1 КЛЯТВЫ

1 августа 855 г. Северная Норвегия (Халогаланд)

Первый совет мой —
С родней не враждуй,
Не мсти, коль они
Ссоры затеют...
Совет мой второй —
Клятв не давай
Заведомо ложных.

*«Старшая Эдда».
Речи Сигдривы*

Длинная стрела из черненого ясеня с крупными перьями ворона, просвистев, перелетела через весь фьорд — серый, колыхающийся холодным прибоем — и, зло задрожав, впилась в ствол толстой сосны, росшей на круче, у самого берега. Пестро-серый дятел, перестав долбить кору, озадаченно прислушался, поводил длинным носом, потряс красной макушкой: не по его ли душу охотник? Или, еще хуже, мальчишки балуются? Не хотелось бы попадаться к ним в руки — мясо хоть и жесткое, да ведь все перья повыщиплют для своих мерзопакостных стрел, хоть, видят боги, мелковаты перья у дятла, не очень-то подходят для оперения боевых стрел, куда уж лучше ворон или орел, да сойдет и беркут, все лучше, чем дятел или там дрозд... Для боевых стрел... А для игр — и от дятла сойдут перья, потому и осматривался сейчас подозрительно краснобровый красавец: не видать ли где поблизости шумного мальчишечьего народа, от которого ждать ему одних пакостей? Нет, судя по беспечно скачущим у самой кромки прибоя тяжелым беловато-серым чайкам, все было в порядке. Дятел еще немного пооглядывался, поводил носом и снова принялся за свою бесконечную работу.

Напрасно беспокоился дятел. Никаких мальчишек здесь не было и в помине. А вот на противоположном берегу — а место это было одно из самых узких — сжимая в руках длинный тисовый лук, на скале, обрывающейся круто в воду, стоял высокий юноша в короткой оленьей куртке, с развевающимися на ветру волосами, белыми, словно лен, с серыми, как низкое небо, глазами. Тонкие губы его кривила презрительная усмешка, придавая красивому лицу юноши несколько надменный и злой вид. Если б не эта ухмылка, он был бы писанным красавцем.

Рядом, чуть позади, опирался на кленовый посох не старый еще, но уже сутулый мужчина — по виду богатый крестьянин-бонд. Волосы и борода мужчины, заплетенная в две вилообразные косички, были того же цвета, что и у юноши. Алый шерстяной плащ, перехваченный на левом плече золотой застежкой-фибулой, нарочито небрежно ниспадал с плеч прямо на черные камни. Шею мужчины украшала толстая золоченая цепь, безвкусная и жутко дорогая, из тех, какие в девятнадцатом столетии будут носить разбогатевшие лавочники, на богато вышитом поясе висел большой ключ; очень большой, прямо-таки огромный, вряд ли в ближайшей округе сыскался б замок, который можно было бы открыть подобным ключом, впрочем, вполне вероятно, он ничего и не открывал, а служил тем же целям, что и золотая цепь — показать всем богатство хозяина.

— Неплохой выстрел, сын! — Проследив за полетом стрелы, одобрительно кивнул мужчина, коего все ближайшие соседи знали как богатого бонда по имени Свейн Копитель Коров. Коров у него и вправду было много, даже куда больше, чем у дальнего родственника и соседа через фьорд — старого Сигурда-ярла. Хоть и ярл Сигурд, а Свейн всего лишь бонд, однако норны — девы судьбы — в последнее время больше улыбались Свейну, хоть и давно перестал он ходить каждое лето в далекие морские походы. Не было славы, зато копилось добро в сундуках да тучнели на верхних горных лугах стада красноухих коров. Богатство было. Но не было славы. Потому и посмеивались втихаря соседи над родом Свейна.

— Ничего... — словно бы вспомнив что-то, пробурчал про себя Свейн. — Ничего, посмотрим еще, кто будет смеяться громче, когда мой сын Фриддлейв станет хевдингом молодых воинов! А затем, кто знает, и морским конунгом, до славы которого куда там Сигурду и его сынку Хельги. Ты слышал, Фриддлейв?

— Да, отец. — Обернувшись, кивнул юноша. — Уж я утру нос этому задавке Хельги!

— Ты не просто утрешь ему нос. Ты, Фриддлейв, станешь вождем отряда молодых! — Свейн Копитель Коров похлопал сына по плечу. — Уже нынешней зимой, по решению тинга, соберет всех окрестных парней старик Эгиль Спокойный На Веслах. Вы будете жить и постигать воинское искусство в горах, там где снег, ветер и тучи, и тот из вас, кто будет лучше других, тот и станет вождем и к лету получит от Сигурда его лучший боевой корабль — «Транин Ланги».

— Корабль?!

— А ты не знал? Сигурд принародно пообещал это, прежде чем уплыть в Ирландию. — Свейн хрипло засмеялся. — Надеется получить с берегов Эйрина старый должок, ну-ну...

— Эгиль ведь тоже из рода Сигурда. Как и его дружок — колдун Велунд, что, может быть, будет учить Хельги, — осторожно напомнил отцу Фриддлейв. Свейн отмахнулся — какая разница? Эгиль лишь приставлен к молодым воинам по решению общего собрания — тинга — и поклялся на алтаре богов быть справедливым и строгим. А Велунд не будет вмешиваться в состязания — он слишком благороден для этого, тем более, если он будет учить сына Сигурда.

— Ты будешь первым — и наш род будет лучшим в округе, слава о нем разнесется по всему Халогаланду и Вику. — Свейн снова засмеялся, на этот раз громко, открыто, весело, словно стремился перекричать налетевший с моря ветер, полный соленых брызг и холодной пронизывающей влаги. — Ты — моя надежда, сын, — перестав смеяться, резко произнес он. — Наш род может стать главным в округе, и, я верю, станет таковым благодаря тебе! Поклянись же в том, что не пощадишь ради этого ни сил своих, ни жизни!

— Клянусь, — сурово сжав губы, не раздумывая, ответил Фриддлейв. — Клянусь мудростью Одина, силой Тора, хитростью Локи и красотой Бальдра. Я стану лучшим, я стану вождем!

— Да будет так, сын!

Гулкое эхо пробежалось по скалам, словно дети, играя, прыгают с камня на камень. Пересекло залив, отразилось от противоположного берега и затихло вдали, у самых предгорий.

У подножия скал, на берегу широкого ручья разлеглись двое молодых парней из рода Сигурда — Дирмунд Заика и приبلуда Хрольв, принятый в род позапрошлой зимою. Дирмунд, бледный, словно поганка, с такими же бесцветными глазами, подпер рукой щеку и злобно сплюнул.

— Уж скоро должен бы вернуться Сигурд, — продолжая начатую беседу, лениво бросил Хрольв, кругломордый, чуть туповатый, наглый — таким он стал в последнее время, впрочем, может быть, и всегда имел подобные качества, да опасался открыто проявлять их, пока не прижился. А, как прижился, приобрел себе дружка — Заика — Дирмунд и правда заикался, особенно, когда волновался или когда заставляли его за каким-нибудь неблагоприятным делом, какой-нибудь неслабой пакостью, на которые был Заика великий мастер, за что частенько и получал увесистых тумачков даже от более слабых. Получив, убежал в горы, где, забравшись в безлюдные места, хныкал — при Сигурде ныть опасался, быстро бы получил еще, а вот один не стеснялся: выл, словно волк, да строил в мечтах ужасные наказания обидчикам. В такие минуты виделся себе Дирмунд могучим и славным мужем. Вот он — огромный, мускулистый, в блестящей кольчуге-бирни — расправляется с врагами. Ух, как

они его боятся, аж дрожат, подлые изгой-нидинги! «Дрожите, дрожите. Не ты ли, Йорм, не так давно пнул меня ногой? Я чуть в котелок тогда не упал, еле увернулся, представляешь, как было б больно, если б котелок опрокинулся? Чтоб лучше представил — на тебе, попробуй...»

Дирмунд улыбнулся, почти воочию увидев себя в виде могучего великана, льющего кипящую воду за шиворот орущему бедняге Йорму.

«...А ты, Хельги, сын Сигурда? Не ты ли сочинил про меня премерзкую вису? Вот тебе расплавленного олова в глотку! Стони теперь, бейся в судорогах, кричи от яростной боли? Что, не можешь? Так-то... А это кто еще здесь, прячется за котлом? А, мелкая тварь Снорри! Кто это вчера надо мной насмеялся и передразнивал? Не ты? Ах, не ты! А ну-ка, иди сюда... О-па, за ухо тебя... Что плачешь, больно? Плачь, плачь, еще не то будет. Вот сейчас оторву тебе одно ухо... Ах, как горяча кровь и как весело слышать вопли врагов! ...теперь — другое. Кричи, кричи, мелкая тварь Снорри. В следующий раз будешь знать, как насмеяться!»

— Что ты сказал про Снорри, Заика? — Тряхнув замечтавшегося приятеля за плечо, громко переспросил Хрольв. — Уши ему надрать? Хорошее дело. Завтра подстережем, в камышах... Заманить бы только.

— Заманим. — Ухмыльнулся Заика и тут же погрустнел. — Вот еще б и Хельги показать, что к чему, как вернется он с Сигурдом из Ирландии.

— Да, с Хельги потруднее будет. — Согласно кивнул Хрольв. — Он не Снорри все-таки. Да и то проучить можно. Только ты придумай — как, ладно?

— Да уж, придумаю. — Заика ослабил. Все-таки хорошо, что он стал водиться с этим приبلудой Хрольвом, объявившимся близ усадьбы Сигурда в позапрошлую зиму. Пригрели тогда его, дали кров и пищу. А, поскольку идти малолетнему Хрольву было, по его словам, абсолютно некуда, через некоторое время приняли в род. Многие, кстати, считали — зря приняли. Глуповат оказался приемыш, глуповат и злобен. Ну, да зато силен — этого не отнимешь — все хоть какая-то польза. Парни из рода Сигурда заметили вскоре: обижался Хрольв даже на самые безобидные шутки, потому и общались с ним редко, только по необходимости, как и с Заикой, про того-то все хорошо знали, что за ягода. Так вот, мало-помалу, и сошлись они. Не потому, что очень уж хотелось друг с другом общаться, а потому, как чувствовали оба, что держат их в усадьбе — не взрослые, молодежь, конечно — почти что за нидингов. Ну и ладно. Посмотрим еще, кто тут нидингом окажется...

Никто, правда, всерьез их не воспринимал, хотя, надо сказать, опасаться такой парочки были все основания — тупая сила Хрольва плюс изворотливый ум Заики представляли собой весьма опасное сочетание; и первым его испробовал двенадцатилетний Снорри. Испробовал бук-

вально на своей шкуре — когда купался в лесном озере, кто-то подвесил его одежду на высокий ясень. Снорри, как углядел висящие шмотки, к нему и кинулся... да так с маху и провалился в яму — и не лень же было копать! А в яме — все дно колючим тернем да шиповником выстлано. Пока выбрался Снорри — исцарапался, будто в когтях у рыси побывал — так и сказал в усадьбе, стыдно было в собственной глупости признаваться.

Вот бы теперь и с Хельги так...

— Д-да, хорошо бы. — Дирмунд мечтательно прикрыл глаза, представив на месте «мелкой твари» Снорри сына Сигурда-ярла. А ведь можно так и с ним. И еще не так можно... А если... Нет... Хотя, почему нет?

— Х-хрольв, — тихо позвал Дирмунд. — Ты сможешь мне стать вождем. И тогда все будет наше — и лучший корабль Сигурда, и младшая дружина, и... П-представляешь, мы сколько рабов мы сможем к-купить г-где-нибудь в Гардарике, а затем их п-продать в С-скирингссале, а п-потом опять купить... или з-захватить... с-сделать н-наложницами м-молодых к-красивых девок, т-типа Сельмы, дочки Торкеля-б-бонда, а еще...

Дирмунд вздохнул, пряча в глазах искру вожделения и страсти.

Хрольв подавился черникой и обалдело вытаращился на приятеля.

— Что с-смотришь? — Нервно усмехнулся Заика. — Думаешь, не смогу?

Приблуда утвердительно покачал головой.

— С-силой не смогу, — согласился Заика. — С-смогу х-хитростью. К-кто у нас г-главные с-соперники? Ф-фриддлейв и Х-хельги. В-вот м-мы их и стравим! П-пускай п-погрызутся.

— А может, их сразу того... — неожиданно высказал попавшее на ум Хрольв, и Заика посмотрел на него с некоторым удивлением: все-таки, несмотря на свою тупость, иногда Приблуда предлагал и дельные вещи, жаль, что не часто.

— У тебя т-тот лисенок, что попался недавно в с-силки, жив еще? — подумав о чем-то, вместо ответа поинтересовался Заика.

— Да жив. — Отмахнулся Хрольв. — Этот дурачок Снорри дает за него два гарпуна.

— Откажись от г-гарпунов, — посоветовал Дирмунд. — Л-лисенка не отдавай, скажи — с-самому н-нужен.

— Да зачем?!

— М-может б-быть, на что-нибудь и сгодиться. Пока же... С-скажи: к-кляннешься помогать мне?

— Ну, клянусь.

— Не так с-сказал. — Заика нахмурился. — К-клянись по-настоящему — ведь д-дело нешуточное!

— Клянусь. — Уже намного серьезнее произнес Хрольв, глядя прямо в глаза приятелю. — Клянусь всеми богами: Одином, Тором, Фрейей и Бальдром, в том, что не предаю тебя, Дирмунд... если и ты поклянешься не предавать меня. Клянешься?

— К-клянусь. — Заика чуть вильнул взглядом, впрочем, Хрольв, похоже, этого не заметил.

— Теперь, до того, как Эгиль с-станет собирать м-молодых воинов, мы отправим в Валгаллу Х-хельги...

— В Валгаллу?

— Ну, в Нифльгейм. Лишь б-бы его з-здесь не было. Х-хочешь спросить, почему именно его, а не Фриддлейва? А потому, что в д-дружине, что соберется у Эгиля, п-почти все — из рода Сигурда, а с хутора Свейна — п-почти и нет никого, к-кроме Фриддлейва — т-так что с ним легче будет с-справиться. А если убить с-сразу обоих, ну, в одно в-время — мало ли кто что з-заподозрит. Б-удем осторожны.

— Как же мы справимся с Хельги?

— Есть одна м-мысль...

Дирмунд Заика посмотрел вверх, туда, где над журчащей лентой ручья нависали угрюмые красновато-черные скалы.

В стороне от дорог, в горах, где ночует туман, а иногда, случается, задерживаются и самые настоящие тучи, у небольшого озера, в числе других строений из серых тяжелых бревен, стояла кузница — сквозь распахнутую дверь вырывались наружу оранжевые отсветы пламени да слышался звон железа. Удар... Еще один... Шипение...

Жилистый седобородый старик в кожаном фартуке — кузнец и колдун Велунд, закончив работу, аккуратно прикрыл за собой дверь и направился к дому — низкому приземистому зданию, обложенному черными валунами. В доме, у самого очага, располагалось узкое ложе, застеленное соломой и медвежьими шкурами. Напротив очага, на стене висели птичьи черепа, пучки пахучих трав и две скрещенные секиры с узорчатыми полукруглыми лезвиями. Огонь очага отражался в их серебристой стали, словно кровавый отблеск убийств. Да, немало вражеской крови испили на своем веку эти секиры, выкованные Велундом еще в пору своей молодости, когда небо было высоким и синим, а солнце светило так ярко, как никогда не светит старикам.

Съев скудный ужин — просяную лепешку с сыром, Велунд вздохнул, опускаясь на ложе. Как никогда раньше он чувствовал свою старость и неминуемое приближение смерти. Впрочем, смерть не пугала его, как никогда не пугала викингов. Пугало другое. Слишком много знал он — и делах воинских, и в кузнечных, и в тайных колдовских, что б уйти вот так, просто, никому не передав то, для чего жил. Признаться,

все чаще подумывал старый кузнец об ученике, что был бы достоин владеть всеми его знаниями. Был бы достоин... Где ж найти такого? Вот, взять хоть Хельги, сына Сигурда, старого друга и побратима. Казалось бы, всем хорош Хельги — и молод, и быстр, и отважен, а все же нет в нем некой отрешенности, такой, что была когда-то у самого Велунда и позволила ему овладеть Знанием. Слишком уж часто юный сын Сигурда обращает внимание на мелочные обиды, на глупые розыгрыши и обычные радости жизни. Нет в нем ни серьезности, ни желания стать серьезнее и взрослее. Может, это от того, что он слишком юн? Может быть... Но ждать, когда повзрослеет Хельги, некогда Велунду — сам уж слишком стар, и недалек тот день, когда валькирии вознесут его в сверкающие чертоги Одина. Может быть, вернувшись из Ирландии, Хельги станет взрослей и серьезней? Может быть...

Велунд закрыл глаза, представив себе изумрудные травы, голубовато-фиолетовые луга, совсем не такие, как здесь, и волны, не морские, а волны из трав — голубые, серебристо-зеленые, синие, что появляются, когда дуют ветры, а в Ирландии они дуют всегда. Травы колышутся, а в небе одновременно — и лазурные блеск и солнце и тучи, разноцветные, синевато-оранжевые, рядом — теплые белые облака, снизу подсвеченные желтым, а чуть вдалеке, за рекой — сверкающая дуга радуги. Огромная радуга, гораздо больше, чем здесь, у водопада. Ближе к морю луга сменяются перелесками и холмами, затем — плоскогорьем из черного блестящего базальта, выложенного ровными квадратными плитами, словно здесь когда-то поработали великаны, кто знает, может, это именно так и было... Чуть в стороне, у реки, покачивается «Толстая Утка» — торговый корабль Сигурда... Велунд явственно представил все это и улыбнулся. И вдруг вздрогнул, почувствовав в полудреме нечто такое, что давно уже не ощущал. Присутствие богов. Вернее, не самих богов, а только лишь обрывков их мыслей. Словно круги по воде, донеслись они до старого кузнеца, заставляя низко клонить давно поседевшую голову. Первый казался самым большим и гулким, центр его находился в Ирландии, словно именно там зарождалось чье-то злое черное колдовство. Велунд ощутил, как пахнуло холодом. Это не был привычный холод зимних фьордов, это был чужой холод, холод кровавых кельтских колдунов — друидов. Но почему он достиг Халогаланда, этот чужой кельтский холод? Что за злобные силы призвали на помощь друиды? И, главное — зачем? Велунд хорошо знал Ирландию — да и какой викинг ее не знал? — и помнил, что когда-то друиды правили всем островом. До тех пор, пока их не вытеснили поклонники распятого бога. С тех пор кончилась власть колдунов и никогда больше не подниматься ей в Ирландии, ибо — это хорошо видели все, кто был там — уже давно по всему острову никто больше не уважал друидов, более того,

над ними смеялись, а смех — самый главный враг страха и власти. Так, может быть, друиды хотят другую страну? Где нет обителей распятого бога и нет его жрецов-монахов? Неужели их прельстил Халогаланд? Страна дождей, туманов и снега, где поселения крайне редки, людей очень мало, да и те, что есть — никогда и ни за что не станут рабами. Тогда что ищут здесь коварные кельтские боги? Или, что вернее, их не менее коварные жрецы-друиды, давно потерявшие у себя на родине и власть, и славу.

Узнать! Обязательно узнать, ибо ничего хорошего от чужих жрецов ждать не приходится.

Велунд поклялся в этом себе самой страшной клятвой, и это была бы последняя клятва за день, если бы...

Если бы не бессонница Гудрун, старшей жены ушедшего в Ирландию Сигурда-ярла. Не взял ее с собой Сигурд, как та ни упрашивала, лишь улыбнулся жестко, и Гудрун отстала. Поняла — многое известно Сигурду еще с той поры, когда пытались они выстроить хозяйство на Зеленом острове, на захваченных землях. Поначалу все шло хорошо, просто отлично: рабы выстроили из камней башню, ограду, завели огороды и коров. А потом настал мор. Он обрушился внезапно, сначала на животных, потом на людей — и, казалось, не было спасения от страшной смерти, если бы... Если бы не жрецы распятого бога — а такими, казалось, были все жители Изумрудного Эйрина, как называли свою землю ирландцы. То ли помогли их молитвы, то ли бесстрашие — они оказывали помощь больным, ничуть не опасаясь заразиться, а все ж таки отступила болезнь, забрав в обитель смерти лучших воинов Сигурда и едва не прихватив его самого. Днем жрецы распятого бога вознесли благодарственные молитвы, а ночью явились фении — воины из тайного братства ирландцев. Они перебили всех оставшихся, подожгли драккар, и Сигурду — непобедимому ярлу Сигурду — пришлось спешно спасаться бегством, покинув негостеприимные берега Коннахта, что в западной части острова. Через год Сигурд вернулся и сжег все монастыри на островах — напрасно молили о пощаде жрецы распятого бога. А фении — они так и не появились. Лишь Гудрун — жена Сигурда Гудрун — знала, где скрываются их отряды: совсем недалеко, в местечке под названием Круахан-Ай — «Спина Друидов». Достаточно было бы одного быстрого удара. Но Гудрун ничего не сказала. Ни тогда, когда бежала, ни — напутствуя Сигурда с мезтью. Не сказала потому, что давно уже, тайком от Сигурда и дружины, пробиралась по ночам в сарай к узколищему рабу-ирландцу. Он был коротко стрижен — так, как в Халогаланде, Трендалаге и Вике обычно стригли рабов. Здесь так стриглись друиды. Чем привлек ее этот уже довольно пожилой человек с узким вытянутым лицом, Гудрун не могла бы сказать — чем-то... Может

быть, колдовством, может быть — взглядом... посмотрит, аж мурашки по коже. А может, и тем и другим. Никогда — ни до, ни после — Гудрун не получала от Сигурда ни таких взглядов, ни таких ласк. Может быть, потому и была так холодна, завистлива и злобна? И, останься она тогда в Коннахте, кто знает, что с ней было бы? Как ночью в башню ворвались фении — дикие, полуголые, с вымоченными в меловой воде волосами и пылающими глазами — Сигурд с остатками дружины организовывал оборону, а они прорвались совсем с другой стороны, откуда не ждали. Гудрун была дочерью ярла, и внучкой ярла, и правнучкой ярла, и... Она не стала кричать и звать на помощь, молча взяла в руки секиру. И наткнулась на взгляд предводителя фениев... Тот самый взгляд бывшего раба... С ним был мальчик, такой же узколицый, видимо, сын...

Он отправил всех вон и протянул руки к Гудрун. Та отбросила в сторону секиру...

— О, мой друид! — только и смогла произнести она, когда предводитель фениев исчез во мраке дождливой ирландской ночи. — Клянусь, я никогда не забуду тебя. Клянусь...

— Клянусь, — ворочаясь на жестком ложе, тихо прошептала Гудрун.

А черное колдовство друидов холодной петлей охватывало Халогаланд, и, кто знает, не помогали ли им в этом и местные северные боги?

Может быть, они тоже поклялись уничтожить народ Севера? А в чем поклялись кровавые жрецы-друиды?

Глава 2 ДРУИДЫ

Август 855 г. Ирландия — Халогаланд

Что же до призраков,
Постойте неподвижно —
И вы почувствуете, как они
Шевелятся у самого вашего уха.

Джули О'Каллахан

Хлестал дождь, яростно и колко, вонзался в море тысячами буравчиков, нес с гор потоки мутно-коричневой жижи, падал вниз мутно-зелеными водопадами, смешиваясь с бурным холодом волн. Низкие разноцветные тучи — от темно-бурой до светло-малиновой — обложили небо, словно охотники дикого зверя. И не вырваться было из этой засады даже самому маленькому солнечному лучику; не блеснуть весело, словно бы невзначай, из прорех яркой небесной лазури, наоборот — тучи становились все гуще, все тяжелей, все непроглядней. Порывы